

УДК 908

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИОННАЯ СРЕДА СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ПОВОЛЖЬЕ 1917-1921 гг.

© 2019 Н.Ф. Тагирова

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 14.06.2019

В статье автор рассматривает традиции и новации в научно-образовательном пространстве Поволжья, условия поддержания высокой духовно-нравственной коммуникационной университетской среды, особенности складывания научной элиты в сфере высшего образования (в области истории) в тяжелый период революции и гражданской войны в 1917-1921 гг., первые шаги по идеологизации научного гуманитарного знания. *Ключевые слова:* коммуникационная среда, научная элита, студенческая жизнь, «старая профессура», Поволжье, Казанский университет, Самарский университет, М.В. Нечкина, М.Н. Тихомиров, Великая Российская революция, Гражданская война, 1917-1921 гг.

Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект №18-49-630008 «Опыт социального проектирования в сфере высшего экономического образования в Самарском регионе в первой половине XX в.» (Н.Ф. Тагирова, Ю.А. Жердева, Е.И. Сумбурова).

Введение

Главное внимание в статье уделено формам научного и образовательного общения преподавателей и студентов в 1917-1921 гг. в Поволжье. В чем проявлялось сочетание традиций и новаций в российской научной и образовательной практике в эпоху Великой Российской революции, великого «разлома» между «старым» и «новым» миром? Изучение этих вопросов составило предмет данной статьи. Феномен научного общения, научной и образовательной, часто подвижнической деятельности в условиях не просто глобальных общественно-политических разломов, но и личных материальных, бытовых неурядиц, катастроф, голода – тема статьи. В контексте научного изучения темы это попытка выявить основания для формирования научной элиты в гуманитарной сфере советского времени. При этом мы обращаемся к истокам силы духа людей науки и образования, «интеллектуальной

силы», по словам академика М.Н. Тихомирова. Эти вопросы автор рассматривает на мемуарной литературе.

Знакомство с различными мемуарами периода революции и войны будущих ученых, а пока студентов и молодых преподавателей, может вывести исследователя на широкую научную проблематику: роль ученого в конструировании нового образовательного пространства, значение коммуникационной научно-образовательной среды для культурного развития региона, становления высшей школы в целом, процесс и способы трансформации культуры, науки и образования в периоды политической и экономической нестабильности. В этом отношении ситуация 1917-1922 гг., периода Великой Российской революции, – наиболее показательна.

Цель данной работы – сквозь призму личных воспоминаний, мемуары выявить особенности коммуникационной университетской провинциальной среды 1917-1921 гг., интеллектуальной среды общения препода-

Тагирова Наиля Фаридовна, доктор исторических наук, профессор. E-mail: tag-nailya@yandex.ru

давателей и студентов, получавших социальное (социально-историческое, историко-филологическое, историческое) образование. Мы пытаемся фиксировать «внутренние механизмы» складывания будущей научной элиты. Элиты гуманитарного знания.

Что формирует ученого? Этот философский вопрос находится вне поля нашего внимания. Но, безусловно, то, что одним из условий формирования ученого, активного гражданина, патриота, любого другого социального типа является определенное локализованное пространство, в котором и происходит общение, обмен идеями, мыслями, совместное творчество.

Методика исследования коммуникационной среды. В исторической науке использование такой категории довольно редко. В социологии под ней понимают совокупность условий, дающих возможность людям, группам людей, организациям реализовать желание и необходимость обмена информацией путем прямого обращения друг к другу. Учебная литература для социологов обозначает структурные компоненты коммуникации: «единство различия» информации, сообщения и понимания. Единство этих различий составляет три уровня изучения коммуникации¹. Социологи выделяют универсальную, эмоциональную, социально-этическую особенности этой среды. Другая используемая в данной статье категория «научная элита» активно используется историками. Они изучают региональные, властные элиты². Научная элита не является управляющей группой населения, но вносят вклад в систему научных знаний, в формирование ценностных ориентиров общества. При этом сама формируется не в социуме, а в плоскости научных результатов и знания, то есть в информационно-когнитивной среде.

Ретроспективно восстановить коммуникационную научно-образовательную среду эпохи революции и выявить каналы формирования научной элиты в тех условиях возможно при обращении к историческим

документам не столько государственного, сколько личного характера. Поэтому в качестве главных источников для написания данной статьи мы использовали мемуары историков, ученых, живших и работавших в Казанском университете, Самарском университете (1918-1923 гг.). Среди них прежде всего отметим мемуары известного советского историка Милицы Васильевны Нечкиной (1901-1985). Будущий советский академик, классик советской исторической науки начинала свой научный путь как студентка историко-филологического факультета в Казанском университете в 1917 г. Специалист по истории России XIX в. академик Академии наук СССР (1958), действительный член Академии педагогических наук СССР (1947), лауреат Сталинской премии (1948), крупный организатор науки, М.В. Нечкина всю жизнь вела дневниковые записи, скрупулезно отмечая основные события своей жизни, прочитанные книги, интересные встречи, размышления о жизни, исторических событиях и историках. На протяжении лет постепенно менялся тон, настроения. Информация становилась сдержанней и более лаконичной. Но записи о событиях своей жизни 1917-1921 гг., отраженные в дневнике юной студентки, которая в эти годы еще и стихи сочиняла³, сами по себе открывают тончайший, почти неуловимый для формализации, пласт отношений. Отношений в среде юного поколения стремившихся к знаниям, отношений студента и учителя, студентов младших и старших курсов, отношений самых разных – учебных, научных, личностных.

Воспоминания Михаила Николаевича Тихомирова, также будущего академика, а в 1919-1923 гг. работавшего в Самаре, «раскрывают» другую группу участников научного и образовательного общения – преподавательскую среду⁴. М.Н. Тихомиров (1893-1965), специалист по средневековой и ранней новой истории России, истории культуры IX-XIX вв., «стоял у истоков важных направлений и починов в науке, осно-

ватель научной школы в области источниковедения, архивного дела и археографии, краеведения и музейного дела, исторической географии. Обладая огромным диапазоном интересов и знаний, М.Н. Тихомиров был авторитетом, в частности, в истории российских городов и краев, в истории славянских народов и Византии, социально-экономических и государственно-политических проблем, историографии, палеографии и других специальных дисциплин⁵. Его воспоминания о своей молодости, проведенной в Самаре, написаны совершенно иначе. Это рассказы, написанные художественным языком и с юмором. Краткие, но емкие заметки об университетской жизни позволяют представить атмосферу научного и образовательного общения.

Дополнительным и неожиданным источником для изучения темы стали стихи. Стихи историков, увлекавшихся поэзией и писавших стихи в свободное от работы время или в моменты размышлений об изучаемом прошлом, в то же самое время стихотворные рифмы отразили настроения, эмоции, чувства и переживания момента. Момента революции и войны. Эти стихи дают уникальную возможность почувствовать и зафиксировать не передаваемую иными способами исторического исследования атмосферу среды. Стихи писались, читались, обсуждались, посвящались кому-то из близких. И эти стихи – не только источник мыслей, облеченных в стихотворную форму, не только возможность высказать свои чувства к переживаемому моменту собственной жизни, но и одновременно поэтический шанс вписать момент революции в общемировую канву. Отсюда в стихах сравнения с событиями древней истории, средневековья, обращение к библейским сюжетам⁶.

Наши изыскания строились вокруг трех основных сюжетов: университетская и образовательная среда в Поволжье в 1917-1921 гг., институциональные формы студенческих и преподавательских объединений

(для изучения данного вопроса были также использованы архивные материалы); начало формализации научной деятельности и первые шаги идеологизации гуманитарного научного знания.

Университетская и образовательная среда в Поволжье в 1917-1921 гг.

Первое десятилетие советской истории принято называть «золотым десятилетием» краеведения (С.О. Шмидт). В эти годы были заложены основы теории, методологии и методики регионологии, изучения малой Родины; созданы устойчивые организационные формы, развернута интенсивная краеведческая работа. Сложилась тесная связь большой науки и краеведения⁷ Такая «тесная связь» стала возможна вследствие перевода многих столичных университетов в провинцию. Этот перевод был вынужденным в условиях начавшейся в 1914 г Первой мировой войны. Из 11 университетов России (в городах Москва, Юрьев (Тарту), Казань, Харьков, Варшава, Санкт-Петербург, Гельсингфорс (Хельсинки), Киев, Одесса, Томск и Саратов) лишь четыре находились в глубоком тылу (Московский, Казанский, Томский, недавно открытый Саратовский). Эвакуация ускорила открытие университетов в российской глубинке. Университеты и вузы обрели города Пермь, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Воронеж. В Самаре эвакуированный Виленский учительский институт был объединен с Самарским учительским институтом и впоследствии стал частью педагогического факультета Самарского университета (1918-1923 гг.).

Эвакуация из прифронтовой территории означала вывоз имущества, преподавательского корпуса с семьями, студентов и размещение их в новой местности. Любой переезд ознаменован трудностями. В условиях смены политической власти они усугубились: не хватало жилья для студентов и преподавателей, учебных помещений, жалование преподавателям выдавалось зачастую нерегулярно, пайками, дровами. В такой обстановке и складывались новые

формы научной коммуникации с участием местной общественности.

Как проходила студенческая жизнь в этот период? Обратимся к воспоминаниям М.В. Нечкиной. Их название – цитата из письма, отражающая суть жизни⁸. Дневниковые студенческие записи студентки М. Нечкиной представляют собой краткий конспект основных моментов жизни. К ним относятся, прежде всего, прочитанные книги, встречи, проведенные репетиции и заседания студенческих кружков. Из них видно, что организация работы в Казанском университете сохраняет традиции: студент выбирает будущую специализацию в процессе обучения, изучает несколько иностранных языков.

На первом курсе историко-филологического факультета М. Нечкина все решает, что же выбрать до специализации – психологию или историю. А потому слушает лекции и по психологии (Васильева) и по социологии (Сотонина), занимается практической работой. Дневниковые записи содержат заметки о занятиях по психологии, психиатрии, психопатологии. М. Нечкина описывает метод вживания, физиогномический метод и общий обзор всех психологических методов⁹. Социология как наука, переживавшая в этот период рождение новых ответвлений, – на острие революционного времени. Для историков она выступала своеобразной методологией изучения. В 1918-1919 гг. велись активные дискуссии в социологической науке. М. Нечкина «в теме». Записывает в дневнике: «Смотрела опыты Сотонина над дыханием. Замечательно интересно. Родилась мысль о применении этого метода в исследовании ритма»¹⁰.

Изучает итальянский, французский, сербский языки. Много не успевает. 27 сентября 1919 г. записывает: «Хочу исполнить принцип поперечного разреза года. Трудно распределить время»¹¹.

Новации эпохи. Лекции зачастую идут до 12 часов ночи¹².

Поражает масштаб прочитанного.

Только за февраль 1920 г. прочитаны и за-конспектированы книги о марксизме и против марксизма: Н. Кареев «Критика экономического материализма», Вольман «Исторический материализм», Янжул «Воспоминания о пережитом», Зелигман «Экономическое понимание истории», Грейлих «О материалистическом понимании истории», Туган-Барановский «Теоретические основы марксизма», Розенбах «Искусство в изгнании», Энгельс «Анти-Дюринг», Маркс «Нищета философии», Лабриол «К вопросу о материалистическом взгляде на историю». Много читает художественной литературы: А. Франс «Боги жаждут», Ал. Марио «Рабиада», Гауптман «Ткачи», Ф. Жиц «Секунды». И это за один месяц! А ведь еще идут занятия, просматривается литература к семинарам.

Ключевые фигуры коммуникационной среды юной студентки – В.Ф. Семенов, С.А. Пионтковский, М.К. Корбут, В.Т. Дитякин, А.Р. Лурия, Т.Д. Эпштейн, Н.В. Первушин. Молодой выпускник Казанского университета оставлен для преподавания в родном вузе. Впоследствии его назовут одним из основателей экономической социологии, в 1921 г. пригласят заведовать кафедрой в молодой Самарский университет, куда он и приехал. А пока М. Нечкина советуется с ним о самообразовании. Первая запись в дневнике о нем датирована февралем 1919 г. Она выступает с рецензией на его книгу по социологии в Ассоциации общественных наук. Посещает студенческий кружок по изучению социальных наук. Затем запись о том, что надо посоветоваться с Первушиным о политэкономии и программе самообразования. Молодой педагог наметил ей 6 уровней, снабдив каждый перечнем необходимой литературы для изучения, отметив, в каком порядке их читать. Первые две ступени – общеуниверситетские курсы, 3-я ступень – История народного хозяйства, 4-я ступень – изучение экономического материализма, 5-я ступень – Русская историография, 6-я – Социология.

Запись 28 декабря 1919 г.: «Вчера была у Первушина. Он коренным образом изменил всю программу: советует начать с истории народного хозяйства, придерживаясь такого порядка – Кауфман, Маслов, Кулишер, Зомбарт; затем – политическая экономия – Железнов и Туган-Барановский».

Этот тип самообразования она называла «ступенями восхождения». Писала отчеты самой себе по каждой ступени. В апреле 1920 г. неожиданная и редкая по эмоциональному настрою запись: «Молодец. Хорошо занималась, все успела. Массу сделала»¹⁵.

Интенсивность жизни очень велика. Запись от 16 мая 1919 г.: «Странное состояние – не могу совершенно слушать лекций, кажется, что лектор говорит об известном страшно медленно. Не могу сидеть, хочется стоять или ходить. Долго говорила с Сотониным об синестезии»¹⁴.

Студенческая и преподавательская жизнь в молодом университете в Самаре напоминала Казань. М.Н. Тихомиров отмечает, что обучение здесь был поставлено по типу Казанского университета. На историко-социологическом факультете, где он трудился, работали видные профессора, высоким был уровень преподавания. Одно только лаконичное замечание М.Н. Тихомирова о том, что археологию читал профессор Башкиров, но читал кустарно, показывает заданную планку преподавания в Самаре¹⁵. Конечно, в Самаре в это время проживала известный специалист в области археологии В.В. Гольмстен.

Показательно общение с В.Н. Перетцом, человеком, ставшим учителем и мудрым наставником М.Н. Тихомирова на всю жизнь. Заметки о взаимоотношениях с Учителем показывают, как передается научная и человеческая традиция общения. «В.Н. Перетц принадлежал к числу тех редких людей, вокруг которых всегда группировались ученики. Это был не просто крупный ученый, а преподаватель «Божьей милостью».

Не все знают, что такое воспитывать студенческие и вообще научные кадры. Боль-

шинству кажется это явление довольно простым и легким. На самом деле для этого надо обладать и своего рода способностями и, в первую очередь, определенной сердечностью к людям для того, чтобы видеть ростки их новых знаний, вовремя помочь, ведь без помощи очень трудно бывает для всякого начинающего ученого. Тут и вопросы чисто бытового характера, и вопросы о том, где поместить ту или иную статью, к кому обратиться за помощью и т.д., и т.д.»¹⁶.

Сам М.Н. Тихомиров также заботился о своих студентах: заработанные за уроки русского языка при шведском посольстве муку и селедку распределил следующим образом: «Мука была не столько съедена мною, сколько роздана различного рода нуждающимся вместе с картошкой, полученной с одного огорода. Селедки же по две-три штуки выдавались хорошим ученикам по курсам и составляли предмет некоторого вождения»¹⁷.

Воспоминания будущего академика представляют самые разные зарисовки о неожиданных и юмористических сюжетах. К примеру, на его курсах по палеографии XVI в. за одной партой сидели протоиерей, раввин и мулла¹⁸. С мягким юмором М.Н. Тихомиров называет их персонажами. «Наиболее интересна была молодежь. Среди них выдавались люди, действительно интересовавшиеся историей. Основное, что привлекало слушателей на курсы, был простой материальный расчет. Записавшиеся на курсы получали право на карточки для учащихся, а это, что называется, в 1921-1922 годах было «не фунт изюма»¹⁹. Быт, материальные расчеты, наблюдения, поэзия и работа – все здесь в Самарский период жизни.

А вот стихотворение М.Н. Тихомирова, написанное в 1922 г.

Самарская весна

За Волгой снова обнажилась
Холмов далеких череда.
И солнце льет живую милость,
Снегам блистанье передав.
Лучами чистого алмаза

Сверкают струйки с темных крыш.
 И проруб легким льдом замазав,
 Мороз балуется малыш.
 Весна, весна. Струями плачет
 На скорбь зимы веселый март,
 И далеко в степи маячит
 На горизонте круглый мар.
 Теперь все будет по-иному:
 Долой мороз, долой снега.
 Клубится пар по чернозему
 У речки в черных берегах.
 Весенний день безумно долог.
 И в эту новую весну
 Пойдет, как прежде, археолог
 Искать заветную страну²⁰.

Конечно, не все так гладко и хорошо складывалось в Самаре. В воспоминаниях нет грустных и трагичных строк. Даже о купленных на рынке и съеденных «пирожках с человечинной» во время голода он говорит с юмором: «возможно, и я полакомился».

Но удержаться за счет юмора непросто. Отъезд из-за голода многих профессоров снижал уровень интеллектуальной атмосферы очень сильно. По воспоминаниям академика О.С. Шмидта, с отъездом в Москву профессорской семьи Земских Тихомиров «стал чувствовать себя хуже, чем прежде, общественно-интеллектуальная жизнь казалась ему менее насыщенной: «Работал как шалый». «Живу в материальном отношении хорошо, в душевном средне, потому что болезнь, которую следовало назвать *libris stultitae Samaritenses*, то есть страдание от самарской глупости... возобновляется регулярно каждую зиму»²¹. Для поддержания творческой интеллектуальной среды нужна ее определенная «плотность».

Научная коммуникационная атмосфера революционной поры несла в себе самые разнообразные черты: здесь и вдохновение, и «адский труд» (М. Нечкина), и стремление подняться над трудностями быта, и человеческая взаимопомощь и поддержка. И та самая «интеллектуальная сила» (М.Н. Тихомиров), которая проявилась не только в выполнении своих профессиональных обязан-

ностей, хорошо, качественно, увлеченно, но и умение подняться над трудностями жизни, поэтичность восприятия мира и переживаемых событий.

Институциональные формы студенческих и преподавательских объединений той поры пестрят разнообразием. Кажется, невозможно даже просто перечислить: самостоятельные и государственные организации, общественные объединения, любительские кружки. По тематической направленности – также огромное разнообразие: религиозные, театральные, научные.

Это разнообразие проявлялось на всех уровнях – столичном и региональном. Оно было недолговечным. Многие организации впоследствии просто закрыты, иные – реорганизованы. Но момент свободы сохранялся некоторое время. В 1918 г. Наркомпрос принял решение о создании в вузах факультетов общественных наук (ФОНов). В их работе принимали участие и представители немарксистских взглядов. В Петроградском университете социологическое отделение ФОНа (1920 г.) возглавил П.А. Сорокин. В 1921 г. они были реорганизованы.

Получили институциональное оформление научные организации. В Москве в октябре 1918 г. был образован Социобиблиологический институт, переименованный через год в Социологический институт. Его возглавил К.И. Тахтаров. В 1919 г. возобновило работу Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского. За два-три года работы до закрытия в 1921 г. Институтом были подготовлены и изданы учебные материалы по социологии, позволявшие вести социологию как урок во всех школах²².

Практически одновременно начата работа сугубо марксистских научных учреждений. В столице работали Социалистически академия общественных наук (1918), Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова (1919), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921), Институт подготовки красной профессуры (в Москве и Петрограде).

На фоне столичных идеологических решений поволжская научная и общественная жизнь выглядит несколько традиционной. При Самарском университете работает христианский кружок, еврейская культурно-просветительная организация²⁵.

В Казани в 1919 г. студентка Нечкина еще отмечает Пасху. И только-только начинает постигать азы марксизма. И при этом бегаёт на репетиции Французской революции, посещает интимный литературный вечер художественной секции Ассоциации общественных наук и делает доклад-рецензию в Ассоциации по книге Н.В. Первушина «Наука социология».

Огромная общая загруженность, масштаб чтения, способность к размышлениям, нацеленность на результат – вот отличительные свойства студентки М. Нечкиной. И при этом любовь, безответная, со всеми признаками эпохи:

Взоры тусклы, губы старой сводни,
Кажется – любил меня когда-то.
Я нечаянно столкнулась с ним сегодня
У витрины Центростаростата.
Март 1919 г.²⁴

И при этом успевает писать стихи.
4 декабря 1919 г.
Я люблю стихотворенья, что как музыка красивы,
Чтоб мелодией звучали, струнным говором шептали
Слов и звуков переливы;
Чтоб, как светлая молитва, навевали настроенье,
Чтоб мечтать мне было можно, и красиво, и тревожно
Находить в том наслажденье;
Чтоб они не забывались, все звучали и шептали,
Чтоб слова и звуки пели, как весенние свирели,
Никогда не замолкали²⁵.

Ожидание весны, тепла, пробуждения природы и жизни, пробуждение лучших надежд – все это есть и в стихах М.Н. Тихомирова, и М.В. Нечкиной.

Уже более пяти лет активно работает Губернская Архивная комиссия (с 1914 г. до 1918 г.), Самарское Археологическое общество (с 1916), Общество Археологии, Истории и Этнографии. Идет сбор материалов и

ценных документов XVII-XIX вв., которые позже составят архивный фонд Самарского и центральных архивов. Традиционную работу на первых порах не нарушил открывшийся с июля 1921 г. Самарский истпарт (Самарский институт истории партии). В 1924 г. он вошел в структуру губернского комитета партии²⁶. А пока, на первых порах Самарский истпарт не отрицал взаимодействия с Архивным бюро, был ориентирован на сбор совершенно иных архивных документов – по истории политической борьбы, партийной жизни в российской глубинке, сбор воспоминаний участников революций²⁷.

Новая форма работы – научный съезд, по всей вероятности, на этом фоне не могла прижиться. 15 сентября 1920 г. впервые в провинциальной Самаре собирается Первый Научный Съезд! Он обсуждает теоретические и рабочие вопросы работы историко-социологического факультета Самарского университет. На съезде присутствует и Н.В. Первушин, приехавший из Казани²⁸. Он представил на факультете Программу курса «Социологическое введение в изучение истории экономической жизни», который планировал прочитать в Самаре в следующем году²⁹, подробный список литературы, которую нужно было приобрести заблаговременно.

Преподаватели Самарского университета, петербургские профессора В.Н. Перетц, В.В. Гольмстен, А.С. Башкиров создавали историко-филологический факультет, историко-филологическое общество при нем (возглавил В.Н. Перетц), работал Семинарий по археологии и искусству. Действовала приличная библиотека. Библиотечная тема была постоянным вопросом на заседаниях ученого совета молодого университета. Много книг преподаватели вуза закупили в Петрограде (книги Академии наук, частных собраний). Наряду с приезжими профессорами активно работали и местные краеведы, например, К.П. Головкин. Э.Л. Дубман отмечает, что не представляется возмож-

ность увязать в единое целое их попытки координации усилий по изучению историко-краеведческого наследия⁵⁰. Интеллектуальная образовательная и научная среда не была простой суммой ученых, работавших на данной территории. Согласимся с Э.Л. Дубманом в его предположении, что в процессе общения у большинства из них должны были складываться какие-то отношения друг с другом, но большего пока сказать невозможно.

Каким-то образом вузовские преподаватели контактировали с государственными структурами, часто совмещали эту работу, например в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы (подчинялся Наркомпросу РСФСР)⁵¹. После закрытия Комитета по заведыванию городским музеем (октябрь 1919 г.) он и Отдел по делам музеев обосновались в Самарском университете⁵².

Первые два-три года революции создали уникальную интеллектуальную среду в научных и образовательных кругах Самары, Казани. Очень вероятно, что число лиц, входивших в это пространство, было совсем небольшим. Различные курсы, кружки, работа обществ удовлетворяли самым разным интересам, хотя отнимали очень много времени. Вероятно, здесь царил дух весны, надежд, творчества и взаимной поддержки. И это была среда, сохранявшая лучшие традиции российского научного общения, и это была та неизменяемая устойчивость, которая позволяла не просто выживать, но и создавать и передавать новые знания. Мы полагаем, что в этой интеллектуальной, научно-образовательной среде при сложнейших бытовых и материальных условиях выкристаллизовывалась научная элита, составившая цвет советской исторической науки.

Формализация научной деятельности и первые шаги идеологизации гуманитарного научного знания происходили очень незаметно в первые месяцы революции. Студентка-первокурсница М. Нечкина

понятия не имеет, кто такой Карл Маркс, потом с юношеским максимализмом высказывает единичное критическое суждение по поводу исторического материализма. После 1921 г. всякая критика исчезла.

Проникновение и распространение марксизма началось сначала в сфере образования: в средней и высшей школе. Обязательное изучение марксизма началось с реорганизации факультетов общественных наук (ФОНов). Прекращается подготовка специалистов в области философии. Отныне основные отделения – экономическое (с циклами: организация промышленности, труда, снабжения и финансово-административный), правовое (с циклами: административное и судебное право), общественно-педагогическое (с циклами: школьное и внешкольное). Исторические и филологические отделения с 1 мая 1921 г. упразднены⁵³. Профессиональная подготовка историков возродится только через 13 лет, с 1934 г.

С декабря 1921 г. был введен «общий обязательный научный минимум преподавания во всех высших школах РСФСР»: развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР, организация производства и распределения в РСФСР, основы электрификации и его экономические основы. Общий объем этих дисциплин составил в 1 триместре – 15 часов, во втором триместре – 4 часа⁵⁴.

В школах с 1923-24 учебного года вместо предмета «Социология» стали изучать «Основы политических знаний»⁵⁵.

На материалах Самары и работы Самарского Испарта видно, как большевистская идеология проникала в школу. Вечера воспоминаний ветеранов революций, организация поисковой работы – вот те формы, на которые опирались региональные испарты. Идеи пролетарской школы, высказанные Наркомом просвещения Н.К. Крупской в 1927 г. о том, что школа – проводник принципов коммунизма, что «цели рабоче-

го класса отражают цели молодого поколения», по существу уже были реализованным результатом. Мы не оцениваем качество и уровень проведенных исследований, а рассматриваем его работу как один из вариантов организации социального проекта по изучению и распространению идей марксизма, ленинизма, истории коммунистической партии в широкое социальное пространство. Прежде всего в молодежную аудиторию.

Издается множество политических журналов: «Печать и революция», «Вестник Социалистической (Коммунистической) Академии», «Записки научного общества марксистов», «Красная Новь», «Проблемы марксизма», «Летописи марксизма», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», «Пролетарская революция», «Революция и культура», «Советское право», «Революция и право», а также в некоторых вузах «Ученые записки». Все публикации должны были проходить отбор и рецензирование. Частные издательства могли создаваться только при наличии лицензии Госиздательства.

Плюрализм мнений еще сохранялся в науке. В социологии рождались новые направления исследований: эмпирическая социология, социальная инженерия, социальная педагогика, индустриальная социология. В научных дискуссиях 1923-1929 гг. о соотношении марксистской и немарксистской социологии был представлен значительный размах мнений, разнообразие теоретических вопросов, широкая география участников³⁶. Однако изменения в университетской жизни, высшей школе, где трудилась большая часть ученых-гуманитариев, были предрешены закрытием кафедр, направлений подготовки специалистов соответствующего профиля. Но предполагалось расширение подготовки преподавателей русского, новых и местных и восточных языков.

С.Б. Никонова отмечает, что почвой для объединения всех слоев общества в том или ином государстве выступает национальная

идеология. Она вырастает в буржуазном государстве. Но для того, чтобы она работала, она, во-первых, должна быть доведена до широких народных масс (и здесь чрезвычайно важна сфера образования), и, во-вторых, национальные различия должны всячески изучаться и выявляться³⁷. Однако, отмечает С.Б. Никонова, эта идеология национальных государств имела негативным следствием развернувшуюся Первую мировую войну.

Выводы

В годы войны в Поволжье были эвакуированы столичные вузы, ставшие зачастую основой новых высших учебных заведений в Поволжье. Единственным университетом, который к этому времени имел давние научные традиции, был Казанский университет. Вместе со студентами сюда приехали преподаватели, книжные и библиотечные фонды и т.д. Традиции университетской науки привезли с собой и столичные профессора.

В первые месяцы существования Советской власти, а для Поволжья – это еще и период Гражданской войны и череды властей – красных и белых, общественно-научная жизнь была довольно активной: заметно стремление студенчества и преподавателей хорошо делать свое дело, исполнять профессиональный долг. И в Казани, и в Самаре, судя по дневниковым записям и воспоминаниям М.В. Нечкиной и М.Н. Тихомирова, это были самые благодатные месяцы провинциальной научной и образовательной жизни. Новая общественная и научная ситуация той поры породила новые виды научного творчества, особенно среди студенческой университетской молодежи – репетиции Французской революции, семинарии, кружки по изучению научной литературы, дискуссии и т.д. Участие в них «старой профессуры» создавало межпоколенческий «мостик», по которому «перетекала» традиция глубокого изучения научной литературы, источников, поиска и сохранения для потомков «старых документов» прошлых эпох. Даже если этим зани-

мались новые учреждения типа Истпарта. И это в условиях гражданской войны, череды смены государственной власти, тяжелых материальных и бытовых проблем.

И в губернских университетских центрах, и в столицах создавались и возрождались научные и общественные организации дореволюционной поры, шли научные дискуссии, проявлялось то, что и составляет коммуникационную среду – «единство различия», различия в получаемой информации, ее передаче и понимании. Но уже примерно через 5 лет, начиная с 1923 г., на смену «единству различий» стало приходить «единство мнений». И первые его шаги были заметны в образовательных учреждениях – прежде всего школах. В вузах острая идейно-политическая борьба за «истинные взгляды» начнется уже с середины 1920-х гг. и займет еще и следующее десятилетие. Как видим, подлинная коммуникационная научно-образовательная среда создается не сразу: толерантность к иному мнению, иной позиции в науке – вещь именно обязательная. Эта традиция уважения к другому участнику коммуникации при всем трагизме партийных чисток 1930-х гг. не была прервана, хотя уже в 1936-1937 гг., как отмечает Н.С. Зеликина, проявляется полное слияние дискуссий и идеологической борьбы и догматизация марксизма в СССР⁵⁸. Краткий миг свободы улетучился, но «семена», посеянные дореволюционной научной элитой, «семена» творчества, уважения и максимально преданного, объективного служения науке в провинции не были рассеяны ветром революции и нарастающей догматизацией марксизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Зборовский Г.Е.* История социологии. Классический этап. Сургут - Екатеринбург, 2014. С. 40.
² *Ашин Г.К.* Элитология. М. 2010.
³ Вторая муза историка. Незученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2003. 782 с.
⁴ *Тихомиров М.Н.* Самара в моей жизни // Клас-

сика самарского краеведения. Антология. Выпуск 2. Под науч. ред. Э.Л. Дубмана и П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 20-78.

- ⁵ Вторая муза историка... С. 103.
⁶ Вторая муза историка...
⁷ Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 5. Под науч. ред. Э.Л. Дубмана и П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. С. 7.
⁸ «...И мучилась, и работала невероятно». Дневник М.В. Нечкиной. М.: Изд-во РГГУ, 2013.
⁹ Там же. С. 149.
¹⁰ Там же. С. 149.
¹¹ Там же. С. 151.
¹² Там же. С. 159.
¹³ Там же. С. 164.
¹⁴ Там же. С. 145-146.
¹⁵ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 77.
¹⁶ Там же. С. 71.
¹⁷ Там же. С. 75.
¹⁸ Там же. С. 76.
¹⁹ Там же. С. 67.
²⁰ Вторая муза историка... С. 109-110.
²¹ *Шмидт С.О.* Воспоминания академика М.Н. Тихомирова о Самаре 1818-1923 гг. // Классика самарского краеведения. Вып. 2. С. 17.
²² *Зборовский Г.Е.* История социологии. Современный период. Сургут - Екатеринбург, 2015. С. 138; *Колосов В.А.* Социология как наука: дискуссии в отечественной литературе 20-х - начале 30-х годов XX века. Архангельск, 2004. 192 с.
²³ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 128. Оп 1. Д. 141. Л. 545.
²⁴ Вторая муза историка... С. 172.
²⁵ Там же. С. 187.
²⁶ *Кабытов П.С.* История Самарского края в исследованиях сотрудников Самарского и Средневолжского истпартов // Кабытов П.С. Историк в прошлом и настоящем? Историко-графические очерки, исследования и публицистика. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 254-255.
²⁷ Там же. С. 259-260.
²⁸ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 15.
²⁹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Л. 402.
³⁰ *Дубман Э.Л.* Историко-краеведческие исследования // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. Самара, 2008. С. 101-102.
³¹ *Зудина В.Н.* Археологические изыскания // Классика самарского краеведения. Вып. 5. Самара, 2008. С. 12-13.
³² Там же. С. 14.

³³ Постановление СНК о плане организации факультетов общественных наук российских университетов. 4 марта 1921 г. Цит. по: Ланко А.Ф., Люстерник Л.А. Ленин, наука и просвещение // Успехи математических наук. 1970. Т. 25. Вып. 2 (152). С. 40. URL: <http://www.mathnet.ru/links/e4b79d90f4dbc2b87ed53e75f169bbe1/rm5320.pdf> (дата обращения 12.05.2019).

³⁴ Там же.

³⁵ Зборовский Г.Е. История социологии. Современный этап. Сургут - Екатеринбург, 2015. С. 202.

³⁶ Там же. С. 201-202.

³⁷ Никонова С.Б. Марксистская интерпретация культурной политики в сфере образования и формирования национальной идентичности // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. XVIII Международные Лихачевские научные чтения. 17-18 мая 2018 г. СПб., 2018. С. 330.

³⁸ Зеликина Н.С. К истории бытования идей марксизма в Советской России. От популяризации к догматизации // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. XVIII Международные Лихачевские научные чтения. 17-18 мая 2018 г. СПб., 2018. С. 312.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMMUNICATION ENVIRONMENT OF THE SOVIET RUSSIA. VOLGA REGION 1917-1921

© 2019 N.F. Tagirova

Samara State University of Economics

The author examines the traditions and innovations in the scientific and educational space of the Volga region, the conditions for maintaining a high spiritual and moral level of the university communication environment, the specifics of formation of the scientific elite in the sphere of higher education (in the field of history) in a difficult period of revolution and civil war in 1917-1921, and the first steps in the ideologization of scholarly humanitarian knowledge.

Keywords: communication environment, scientific elite, student life, «old professorship», Volga region, Kazan University, Samara University, Miliza Nechkina, Mikhail Tikhomirov, Great Russian Revolution, Civil War, 1917-1921.